

В. С. НЕЧАЕВА

Журнал
М.М.и Ф.М.Достоевских
(ВРЕМЯ)

1861-1863

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1972

дал право Чернышевскому самому взять на себя упомянутый выбор, — редакцию и издание, или поручить это кому угодно, по его усмотрению». Желание Чернышевского самому «сделать выбор из «Записок из Мертвого дома» и согласие на вто Достоевского позволяет думать, что отношения между ними в это время были более дружественными, чем это отражено в их позднейших воспоминаниях».

Отрицательное отношение редакции «Времени» к распространявшимся слухам о связи пожаров с прокламациями находит подтверждение в дошедшем до нас письме М. И. Владиславлева к сыну М. М. Достоевского из Петербурга в Ревель. Оно начато 1 и закончено 3 июня. Публикуя впервые этот документ, мы считаем, что он подкрепляет позицию журнала, выраженную в задержанной статье, дает несколько черточек к характеристике Страхова, Ф. М. и М. М. Достоевских, а также отражает общую настроенность Петербурга в эти тревожные дни:

«Вероятно, Вы уже слышали о здешних пожарах. Пожары теперь считаются в день целым десятком. Разумеется, поджоги тут. В Духов день, 28 числа выгорел Шукин двор и Толкучий рынок — вообще все пространство между Чернышевым и Апраксиным переулками, Фонтанкой и Садовой; на другой стороне Фонтанки — лесные дворы Трошева, Гафа и других господ до Троицкого переулка — версты на три вдоль да на версты полторы поперек — это в один день 28-го числа. Ямские, Охта страшно погорели, на Невском проспекте раза три занимался пожар, да скоро, впрочем, потушили. И в нашей стороне тоже не без пожаров. У Вознесенского моста загорался дом прямо против магазина Над. Александров. Она, бедная, испугалась и прислала узлы свои к Михаилу Михайловичу, но опасность скоро прошла. На Большой Мещанской два раза начинался пожар; один близ Николая Николаевича. Теперь, действительно, такое время, что, того гляди, что заторится у тебя под носом. Караулы усилены. В нашем доме одни ворота — у квартиры Федора Михайловича — заперты совсем, а у других постоянно сидит дворник и каждого посетителя спрашивает, к кому он идет. Сам я пожару несколько не боюсь, потому что почти могу сказать: *omnia <mea> tuncum porto*; жалко книг, если только они сгорят. Федор Михайлович, кажется, застраховал свое имущество. Марья Дмитриевна, кажется, ужасно боится пожара и хотела, как я слышал (сам я еще не был у ней после вашего отъезда, да и до него-то не ходил), ехать в Тверь на лето, но почему-то отдумала. Михайло Михайлович, кажется, большой философ относительно пожара. Я его спросил как-то: а что, Михаил Михайлович, случится в нашем доме пожар — что вы тогда? — Ничего, — сказал он, — что ж станешь делать, — не убиваться же... Николаю Николаевичу — даже и книг не жаль, в случае пожара, потому что, как он сказал, *всё тлен...* Да, приходится философствовать, потому что и без философии сгорит все, коли загорится. Впрочем, все